Э.Н.Ожиганов,
доктор философских наук, профессор

ВКЛАД М.ВЕБЕРА, К.МАРКСА И Р.МИХЕЛЬСА В ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Социология богата именами многих ярких мыслителей. Научные труды каждого заслуживают отдельного рассмотрения, чем и занимаются специалисты по истории социологии. В рамках настоящей статьи невозможно подробно охарактеризовать все обширное наследие ученых прошлого, создавших теоретико-методологические основы нынешней социологической науки. Поэтому конспективно рассмотрим социологические концепции трех ученых – М.Вебера, К.Маркса и Р.Михельса. Их труды имеют актуальное значение и сегодня в социологическом образовании государственных и муниципальных служащих, а также корпуса управленческого персонала в целом.

Понимающая социология Макса Вебера

Макс Вебер является одним из крупнейших социологов конца XIX – начала XX в. Он обладал универсальными научными знаниями в области общественных наук – политэкономии, права, философии, политических теорий и других отраслей знания. Годы его жизни (1864 – 1920) совпали с одним из наиболее динамичных этапов в политической истории Германии и всей Европы. Именно общественно-политическая ситуация в тот исторический период, а также состояние науки в последней четверти XIX в. определили формирование социально-политических воззрений и теоретической позиции этого немецкого ученного.

Однако для исследовательской практики современных социологов важен, может быть, не столько исторический колорит его воззрений, сколько ключевые научные идеи Вебера, заслуживающие активного использования и в теории, и в эмпирических исследованиях.

Как справедливо отмечают многие специалисты по научному наследию Вебера, генезис, содержание и форма его теоретико-социологических исследований были обусловлены присущими ему классово-политическими взглядами и решениями (с учетом их развития и изменения). Позиция Вебера в конфликте консервативного и либерального направлений в политической культуре немецкой буржуазии, выбор им политических партий и движений для сотрудничества, постепенный сдвиг к элитарным левобуржуазным позициям, оценка монархии, бюрократии, демократии с точки буржуазных преобразований политической системы Германии – все это имеет непосредственное отношение к содержанию его теоретических взглядов. В них нашли отражение те исключительные условия кризисной исторической ситуации, благодаря которым и могло возникнуть веберовское учение о науке и политике.

Код к анализу и «расшифровке» веберовского теоретического наследия заключен в его концепции «господства». Проблематика «господства» выступает для Вебера тем организующим началом, которое делает возможным нахождение нового масштаба восприятия реальности и одновременно разработку соответствующих способов ее изучения и интерпретации. Хотя каждое из многочисленных веберовских «эссе» посвящено вполне определенной теме, они, тем не менее, вращаются вокруг этой проблематики по более или менее четким орбитам. Техника политического действия, судьба светских и религиозных элит, манипулирование массами – центральные аспекты той концепции действительности, которую разрабатывал Вебер для обоснования теории и практики буржуазного политического активизма.

Его видение исторической ситуации определялось двумя критериями: *1) способна ли какая-либо фракция немецкой буржуазии быть самостоятельным политическим лидером в трансформационный период; 2) какие формы политического действия будут избраны для решения проблем лидерства*.

В одной из своих наиболее известных работ, дискуссии вокруг которой не утихают и по сей день – «Протестантская этика и дух капитализма», Вебер, выступив с позиций номинализма и методологии «идеальных типов», представил капитализм как рациональный тип поведения в области хозяйства. Основная идея работы заключается в том, что специфический рационализм за-

падноевропейской культуры, воплощенный в протестантской религиозной этике, был фактором становления капитализма в промышленных странах Западной Европы и Северной Америки к середине XIX в. Работа содержит наиболее обширную и полемическую формулировку веберовской идеальной концепции политического деятеля, прямо направленную против марксизма. В этом отношении «Протестантская этика...» представляет собой комплексную работу, направленную на историческую легитимацию капитализма.

Возможные последствия революции в России интересовали Вебера с точки зрения перспектив немецкого буржуазного либерализма в политической реконструкции Германии. В специальных выпусках своего журнала «Архив социальных наук и социальной политики» (1905 г.) Вебер опубликовал две статьи, в которых обсуждались программа и тактика основных политических партий и движений в России по отношению к буржуазно-демократическим реформам ее государственного строя. В это время он изучал русский язык, что давало ему возможность следить за русскими источниками информации и обсуждать политическую ситуацию с русскими общественными деятелями, придерживающимися «конституционно-демократических» убеждений.

Важнейшие аспекты методологии Вебера обнаруживает связь с его позицией по вопросам политического развития Германии. В области методологии социальных наук Вебер вел борьбу, прежде всего, против тех школ и течений, которые идеологически препятствовали осуществлению его политической программы. Он выступал против консервативных философских концепций истории, против буржуазных социальных наук, представители которых отстаивали статус-кво политической структуры монархической Германии (юриспруденция, политическая экономия), но, прежде всего, против исторического материализма. Правда, его прямая критика исторического материализма занимает в изданных им работах сравнительно небольшое место.

Методологическое учение Вебера широко известно в научной литературе как «теория идеальных типов». Веберовский идеальный тип близок к идеальной модели, которой пользуется естествознание. Это подчеркивал сам Вебер. Метод построения идеальных типов активно применялся и применяется российскими социологами для количественного измерения социальных

процессов и явлений. Смысл применения этого метода состоит в том, чтобы оценить степень приближенности реальной действительности к той модели, которая, с точки зрения исследователя, является если не идеальной, то оптимальной.

Учение Вебера не сводится к теории идеальных типов, которая им неоднократно корректировалось на протяжении почти 20 лет ввиду возникавших с каждым новым шагом острых проблем. Вебер столкнулся с ними не случайно и не в силу развития «чистой гносеологии», поскольку они коренились в исходных посылках его философии «конфликта». В рамках научных дисциплин социологии и истории Вебер актуализировал основную идею борьбы за господство в форме тезиса о первичности политических факторов в развитии социальных институтов и отношений. Данный тезис не только является исходным пунктом исследований Вебера, но и глубоко пронизывает всю ткань его методологической проблематики.

Методология идеально-типичного подхода лежит в основе утверждений Вебера, что невозможно дать адекватное определение «политического сообщества», исходя из анализа целей его деятельности. Он писал: «Политический характер определенного объединения может быть установлен лишь на уровне средства, которое, не будучи свойственным исключительно данному объединению, все же специфично и необходимо для его существования, а именно – насилия»[1].

Обращение Вебера к социологии отражало его стремление создать науку о социальном поведении, способную решать практические задачи в важнейших областях социальных отношений, прежде всего таких, как политика и управление. Решению ключевых методологических проблем социологического анализа Вебер посвятил программное эссе «О некоторых категориях понимающей социологии» (1913 г.). Свой вариант «социологии» он представил как рациональную науку, стремящуюся к такому пониманию социального поведения, эмпирическая достоверность которого должна была быть обеспечена путем надлежащей фиксации характеристик субъективных целей и средств поведения. Вебер определил центральную методологическую проблему социологического анализа как согласование требований его смысловой и эмпирической адекватности.

---

[1] *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1921. S. 6.

Он стремился разработать такую методологическую перспективу для социологического познания, которая могла бы охватить и связать как субъективные моменты поведения (мотивы, ориентации, смысл и значения), так и «связи» эмпирического процесса поведения с целью установления причинно-следственных зависимостей.

Социологический анализ природы и динамики политического «господства» осуществлялся Вебером, прежде всего, в рамках его социологии религии. Характер религиозных представлений социальных групп выступал как дифференцирующий фактор оправдания господства, а религиозное развитие рассматривалось в контексте борьбы за определенные виды легитимности.

В социологии религии М.Вебера главное внимание уделялось процессу «рационализации» религиозных представлений и институтов, который в своем социологическом аспекте охватывал генезис и развитие религиозных организаций и их руководства, а также их взаимосвязь с двумя другими институциональными секторами общества – экономическим и политическим.

Для интерпретации этого процесса Вебер разрабатывал типологическую дихотомию социальных и политических функций «колдуна» и «священника», дифференциацию нормативного порядка в зависимости от различий между системами религиозной «этики» и магического «табу», а также дихотомию религиозных организаций «секта» – «церковь». Применяя эти типологические понятия, он предпринял сравнительно-историческое исследование воздействия на экономическую и политическую жизнь ряда религиозных систем: конфуцианства и даосизма в Китае, индуизма и буддизма в Индии, иудаизма и ислама на Ближнем и Среднем Востоке, раннего христианства, католицизма и протестантизма в Европе. Его типология религиозного руководства воспроизводит свои определяющие черты в области политических отношений власти и подчинения, чему имеются известные исторические основания.

Говоря о классе как разряде людей, находящихся в сходной классовой ситуации, Вебер выделял следующие: 1) владельческий класс, чистым типом которого выступал рантье; 2) коммерческий класс, типичным представителем которого был предприниматель; 3) социальный класс, означавший такую совокупность классовых позиций, в которой имеет место свободная личная мобильность или мобильность поколений. Все три категории «классов» дели-

лись веберовской теорией на две группы – позитивно и негативно привилегированные классы.

Вебер пытался установить, какие последствия для социальных действий индивидов имеет «классовая дифференциация», понимаемая таким образом. В дополнение к «классу» как одному из факторов распределения власти он выдвигал критерий «статуса», который определялся притязаниями на «социальный престиж». Статусные группы, по Веберу, могут формироваться при наличии трех важнейших обстоятельств (которые, заметим, имеют место и в современном российском обществе): 1) отличительного стиля жизни; 2) действия принципа «наследственной харизмы»; 3) монополистической экспроприации политической или духовной власти.

В известной мере «статус» мог зависеть от «классовой позиции», но чаще всего он не только выступал в качестве независимого измерения социальной дифференциации, но и сам мог определять «классовую позицию».

Наряду с «классом» и «статусом», третьим фактором распределения власти в теории Вебера выступает «партия», которая отличается от первых двух своими организационными и целевыми аспектами. Он подчеркивал, что социологическая структура и действия «партий» зависят от двух положений: а) типа дифференциации общества на классы и статусы и б) типа господства.

По веберовскому определению, «партия» представляет собой формально добровольное объединение, действующее внутри «организации» и ставящее своей главной целью влияние на ее политику или достижение полного контроля над ней. Средства, применяемые для этого, могут быть самыми различными и варьироваться от прямого насилия до «законной» борьбы за голоса избирателей. За основу типологии партий Вебер берет целевые установки – «патронажные» и «идеологические» партии и критерии их формирования – формально-правовые, харизматические и традиционалистские партии. Основным объектом эмпирического анализа современных партий и партийных систем он считал процесс «демократизации», в котором выделялись два аспекта – применение «демагогии» и «бюрократизация» партийных систем.

Вебер стремился доказать, что хотя различные виды власти в обществе (экономическая, политическая, групповая и т. д.) в конкретных исторических условиях могут сливаться, все же они

представляют собой самостоятельные цели для социальных действий, и в этом смысле не зависят друг от друга. Это было необходимо для преимущественно функциональной интерпретации связи между различными институциональными секторами общества, которая позволила бы выдвинуть на первый план именно политический аспект (стремление к власти) социальных действий.

В социологической структуре господства Вебер различал три основных узла:

1) господствующее меньшинство, формирующееся в процессе качественной и количественной дифференциации задач управления;

2) аппарат управления (бюрократия);

3) подчиненные господству «массы».

М.Вебер указал на следующие предпосылки усиления роли бюрократии в эпоху капитализма. Во-первых, на развитие «денежной экономики», требующей соответствующего регулирования со стороны государственных институтов. Во-вторых, на количественное увеличение «задач управления» В-третьих, на качественное усложнение этих задач. В-четвертых, на техническое превосходство бюрократической организации над другими формами управления. В-пятых, на концентрацию власти. В-шестых, на относительную нивелировку социально-экономических различий объекта управления в условиях массовой демократии.

Систему бюрократии «западного рационального государства» он описывал, исходя из ряда признаков «чистого типа» чиновника: компетенции, служебной иерархии, специальной подготовки и т. п. Однако Вебера в большей степени интересовали не сами эти признаки, а социально-политические последствия особого положения управленческого аппарата в обществе.

Бюрократия стремится монополизировать технику управления, используя для этого такие приемы, как засекречивание информации, защита «служебной тайны» и т. д. По мере роста самостоятельности в своей деятельности она начинает руководствоваться не только «функциональными» потребностями, но и «инстинктом власти». Иначе говоря, бюрократия обнаруживает тенденцию распространять влияние далеко за рамки своей юрисдикции, вплоть до превращения в самостоятельную политическую силу.

«Кредо» веберовской социологии связано с убеждением, что законы социального взаимодействия могут быть найдены и достиг-

нуты в политической практике. Тактика социологического анализа строится с прямым расчетом на то, что в самых различных областях деятельности будут выявлены упорядочивающие социальное поведение факторы, прежде всего «рациональные установления» и «организация принуждения». По мнению Вебера, подлинные проблемы социологической теории, изучающей группы и институты, вытекают из того факта, что основой едва ли не всей деятельности в их рамках является «господство». Государство и церковь – два примера институционализированных сообществ, структура которых служила Веберу объектом для анализа и формулирования важных для его теории социологических гипотез.

В известном смысле политическая социология Вебера функционирует как междисциплинарная наука, поскольку, с одной стороны, использует эмпирический материал из ряда специальных областей социологического исследования, с другой – изучает как раз те социальные силы, которые определяют динамику исторического развития и переход от одного типа общества к другому.

Так, в области социологии религии – это исследование взаимодействия религиозных систем и систем социальной стратификации в контексте борьбы за господство (здесь наиболее интересными моментами являются установление характера религиозных верований различных социальных классов и групп в качестве дифференцирующего фактора легитимности); в социологии государства – изучение государства как ключевого института в системе господства и его связи с другими элементами этой системы, освещение средств и способов контроля политической элиты над бюрократическим аппаратом и динамики их взаимоотношений; в области социологии права – анализ правовой системы как вида легитимного порядка, типология юридической деятельности и техники.

Социология общественных отношений К.Маркса

Карлу Марксу и его теоретическому наследию посвящено множество научных и литературных произведений. С его именем связано одно из влиятельных в мире политических течений – коммунистическое. Действительно, заслуга Маркса в идеологическом обосновании этого течения и его продвижения в политическую практику исключительно велика. Однако следует обратить

внимание на одно его суждение, дошедшее до нас: «Я знаю только одно, что я не марксист»[1]. Это суждение упомянуто потому, что не следует отождествлять вульгаризированные интерпретации наследия Маркса с научными результатами его титанического труда.

Научные поиски К.Маркса, прожившего относительно недолгую жизнь (1818 – 1883), знаменуются анализом таких глубочайших по содержанию научных категорий, как общественно-экономическая формация, способ производства, общественное бытие и сознание (включая идеологию), производительные силы и производственные отношения, социальная революция, классы и классовая борьба и многие другие. Его труды, носящие междисциплинарный характер, формально не являются сугубо социологическими, но именно их социологическое содержание имеет огромную научную ценность.

Марксистская социология представляет собой определенную систему концепций, включающую два основных уровня: 1) собственно социологические концепции социальных процессов и институтов, например, политических или идеологических и 2) философскую теорию общества (общую социальную теорию). Роль общей социальной теории у Маркса выполняет так называемый исторический материализм, являющийся одновременно ее методологической и мировоззренческой основой. В качестве общей теории исторический материализм считает своим предметом общие законы функционирования и развития общества как целостной системы, рассматриваемой в определенном взаимодействии ее сторон – экономической, социальной, политической и идеологической при решающем значении экономического фактора.

Если говорить кратко, то для исторического материализма в качестве общей социальной теории фундаментальнее значение имеют следующие положения:

– общество состоит из двух основных элементов – экономического базиса и политической надстройки;

– экономический базис играет определяющую роль в развитии общества и формировании политической надстройки, но последняя оказывает обратное воздействие на экономическую основу общества;

– классовая борьба является основой общественного развития;

– замена капиталистического общественного строя социалистическим является исторической закономерностью.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. С. 370.

Общая социальная теория Маркса использует три основных методологических подхода к исследованию общества и его подсистем:

– метод материалистического детерминизма;

– функциональный подход;

– исторический метод (к нему относится и историко-сравнительный метод).

В основе всей познавательной системы марксистской философии общества лежит принцип материалистического детерминизма, согласно которому социальное поведение определено общими экономическими условиями деятельности индивидов.

С помощью принципа материалистического детерминизма Маркс добивался обеспечения единства гносеологической и онтологической сторон философии применительно к познанию социальной реальности. Другой вопрос, насколько это ему удалось. Любая из социальных наук при изучении своего объекта исходит из определенной совокупности гносеологических и онтологических допущений и принципов, признается ли данный факт теми или иными исследователями или нет.

В современной науке по вопросу о гносеологических предпосылках социологии существует конфликт между двумя направлениями – неопозитивистским (структурный функционализм, эмпиризм) и неокантианским (неовеберианская школа теоретической социологии и примыкающая к ней в данном вопросе феноменологическая социология). Философское обоснование этим альтернативным позициям дано в теориях познания неопозитивиста К.Поппера, защищавшего идеи «научной нейтральности», и неокантианца Г.Риккерта, согласно которому «ценностное» содержание объекта социальных наук обусловливает их социокультурный релятивизм.

С точки зрения аутентичной социологии К.Маркса социальный статус познающего субъекта в конечном счете оказывает решающее влияние на перспективу и результаты социологических исследований. Иначе говоря, если последовательно проследить происхождение определенных моделей социологических исследований и способов их применения в практике, то обнаружится тесная связь этих моделей с интересами соответствующих социальных групп. Тезис о статусной обусловленности данных моделей относится не только к общим принципам и правилам организации социологического исследования, но и к логическо-

му содержанию его этапов. Подход к проблемам, выбор объекта исследования, формулировка гипотез и задач, применение тех или иных концепций и понятий – все это, в конечном счете, определятся системой мышления, неразрывно связанной с позицией познающего субъекта.

Таким образом, для адекватной оценки тех или иных социологических концепций необходимо выявить всю исходную систему гносеологических принципов и онтологических допущений, определить их воздействие на всех этапах исследования, а также установить связь проекта исследования с интересами определенных статусных групп.

Сам Маркс активно применял такой подход в полемике с буржуазными научными авторитетами своего времени, но, тем не менее, многочисленные последователи и пропагандисты этого учения по различным причинам не стали распространять данный прием на марксизм, претендовавший на статус подлинно научной теории общества. Аутентичная социология К.Маркса не была реализована на практике, поскольку сам марксизм с течением времени превратился в ортодоксальную политическую идеологию в странах, осуществлявших попытку создать социалистическое общество. Иначе говоря, под влиянием политических и организационных факторов марксизм утратил свою научную действенность, что дало обоснованный повод оспаривать научный статус социологии К.Маркса.

Хотя границы между собственно социологическими концепциями К.Маркса и его «историческим материализмом» в качестве общей социальной теории чрезвычайно подвижны, нельзя не видеть различий между их объектами и методологией. В работах К.Маркса периода буржуазных революций в Европе конца 40-х годов XIX в. основной акцент делается на социологический анализ борьбы за господство, то есть анализ классовых отношений по поводу осуществления и распределения политической власти. При этом субъектами таких отношений (активными силами политического процесса) в социологии К.Маркса выступают не только классы, но и их фракции, группы меньшинства, партии, клики, бюрократия и их ведущие представители в роли политических вождей.

Идеология классового общества европейских стран 40-х годов XIX в., изучавшегося К.Марксом, представляла собой конгломе-

рат враждующих установок и норм, практическая реализация которых зависела от изменений в социально-политической ситуации соответствующих субъектов. Анализ этих отношений в таких работах К.Маркса, как «Немецкая идеология», «Буржуазия и контрреволюция» или «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» принадлежит классике политической социологии и имеет мало общего с позднейшим «экономизмом» самого Маркса или «вульгарным марксизмом» его последователей.

В этих работах Маркса интересуют, прежде всего, те факторы экономической, социальной, политической и культурной среды, которые в каждой конкретной ситуации определяют направленность и содержание поведения социальных групп и отдельных индивидов. Для научного анализа роли данных факторов К.Маркс использовал социологические концепции различного уровня обобщения.

В современной западной социологии установились две крайние позиции по вопросу о детерминации социального поведения: бихевиористская и неофрейдистская. Первая основана на поведенческой схеме «стимул – реакция», в которой система внешних воздействий считается достаточным динамическим условием поведения. При таком подходе факторы личностной системы считаются несущественными. Вторая позиция, напротив, главное внимание уделяет внутренним факторам-побуждениям, локализирующимся в психической структуре индивида.

Марксистская социология рассматривала социальную структуру личности (которая, по знаменитому тезису Маркса, является совокупностью общественных отношений) в ее динамичном взаимодействии с социальной средой. В процессе социальной деятельности индивид не только подвержен влиянию важнейших отношений социальной среды, но и воспроизводит и изменяет их. Здесь Марксом использовался методологический принцип материалистического детерминизма, согласно которому бытие и, прежде всего производственно-экономические отношения, определяют сознание и политическую надстройку общества.

Эмпирическое наблюдение должно в каждом отдельном случае – на опыте и без всякой мистификации и спекуляции – вскрыть связь общественной и политической структуры с производством. Общественная структура и государство постоянно возникают из жизненного процесса определенных индивидов, но не

такими, какими они могут казаться в собственном или чужом представлении, а такими, каковы они есть в действительности.

Определение Марксом идеологии как «ложного сознания» имеет важные последствия для понимания ее происхождения и сущности, поскольку здесь устанавливается связь между различными формами идеологии (политической, религиозной, моральной) и социально-политическими институтами в контексте классовой борьбы за господство. С точки зрения К.Маркса, содержание групповых идеологий определяется целью, за которую ведется борьба – достижение и организация господства, причем «иллюзорность» идеологических представлений трактовалась не только в плане несоответствия идеологических норм и ценностей конкретной действительности, но, прежде всего, в плане ее функциональной значимости для захвата и удержания политической власти. «Дело в том, что всякий новый класс, который ставит себя на место класса, господствовавшего до него, уже для достижения своей цели вынужден представить свой интерес как общий интерес всех членов общества, т. е., выражаясь абстрактно, придать своим мыслям форму всеобщности, изобразить их как единственно разумные, общезначимые»[1]. Если данная цель – достижение и организация господства – фактически достигается, то это означает, что эмпирическая неадекватность идеологии (ложное сознание) и ее соответствующих видов не является преградой для ее эффективности в рамках господствующих социальных отношений. К тому же выявление этой неадекватности рассматривается как враждебный акт по отношению к статус-кво политического режима, и встречается негативными санкциями. «Роль репрессии в государстве, праве, морали и т. п.» специально отмечена К.Марксом[2].

Группы меньшинства, непосредственно реализующие в различных формах классовое господство (в терминологии современной политической социологии это «политические элиты») заинтересованы в поддержке и защите таких форм идеологии, которые косвенно или прямо обеспечивают или способствуют обеспечению стабильности данного политического режима. Напротив, классы, по выражению К.Маркса, «восходящие к господству», подчеркивают значение таких норм, в которых дается обоснование их социально-политическим устремлениям и чая-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Избр. произв. Т. 1. М., 1979. С.17.

[2] См. там же. С. 40.

ниям. Этим, в частности, объясняется, почему представители как консервативных, так и революционные групп обращались с целью обоснования своих притязаний на политическое господство к одним и тем же религиозным системам (христианство и ислам в этом плане являются наиболее показательными историческими примерами).

Хотя К.Маркс не употреблял термин «легитимность» применительно к политическим режимам, не подлежит сомнению, что он был одним из тех социологов, которые создали научную базу для изучения этого феномена политики. Под легитимностью в современной научной литературе понимается способность политических режимов формировать массовую базу поддержки своих действий и на основе определенных принципов (религиозных, этнических, групповых и т. д.) формировать позитивное массовое сознание в отношении важнейших политических институтов. Разработка концепции легитимности призвана создать определенную исследовательскую перспективу. Однако на этом пути со времен Маркса по-прежнему лежат значительные трудности как теоретического, так и эмпирического характера. В частности, неосвещенными остаются такие центральные проблемы, как соотношение легитимности и эффективности политических режимов, значение легитимности как ресурса в руках политических элит и фактора их сплоченности, соотношение уровней легитимности режима в целом и его отдельных институтов и др. Из эмпирических проблем наиболее серьезными являются ограниченность доступа к соответствующей информации, трудности и препятствия в проведении полевых исследований, отсутствие соответствующих методик сбора и анализа эмпирического материала.

В отношении места и роли идеологических форм в механизме легитимности большое значение имеет анализ двух взаимосвязанных способов ее реализации. В первом случае различные формы идеологии выступают как «предпосланная онтология» ориентации политического поведения, предоставляющая как индивиду, так и социальным группам определенное «видение» своего места в политическом процессе. Это обеспечивается широкой институционализацией религиозных систем и систем воспитания и образования.

К.Маркс, например, в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» писал: «Удивляются, что орлеанисты, либеральные

буржуа – эти старые апостолы вольтерьянства и эклектической философии, – вверяют духовное руководство французами своим закоренелым врагам – иезуитам. Но ведь и орлеанисты, и легитимисты при всех их расхождениях в вопросе о претенденте на корону, понимали, что их совместное господство требовало соединения орудий гнета двух эпох. Понятно, насколько трехлетний режим жандарма, освященный режимом попа, должен был деморализовать незрелые массы»[1]. Воспитание веры в божественное происхождение неограниченной власти, «ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет» (К.Маркс), имело целью создание определенного типа политической культуры французских крестьян, в рамках которой моральные обязательства по отношению к режиму личной власти становились безусловными.

По мере рационализации различных областей социальной жизни, объективно вызванной развитием капиталистических отношений, возможности этических и религиозных систем в формировании массовых ориентаций политического поведения уменьшаются. По этой причине, как показал К.Маркс, господствующие группы уделяют огромное внимание бюрократическому контролю в области образования и науки, создавая специальную касту идеологов и ученых, специализирующихся на «научных системах» поддержки власти. Политическая трусость немецкой буржуазии XIX в., проявившаяся в ее неспособности превратить свое экономическое господство в господство политическое, отразилась и на состоянии немецкой официальной науки, попавшей под бюрократический контроль военно-монархического режима. Еще Гегель объявил прусское военно-полицейское государство «шествием Разума по земле», а прусскую бюрократию – «воплощением идеи нравственности». Более мелкие идеологи развили эту тенденцию до ее логических пределов.

Второй способ реализации различных идеологических норм в механизме легитимности политических режимов связан с прямыми предписаниями тех или иных видов политического поведения. Когда какая-либо социальная группа пытается реализовать свои практические интересы в сфере политики, она заинтересована, прежде всего, в максимально широкой поддержке своих действий

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Указ. соч. С. 460 – 461.

со стороны возможных союзников и в обеспечении максимально возможного уровня сплоченности своих членов. Так называемые моральные нормы в этом плане являются одним из возможных практических средств. Влияние моральных норм на сознание обусловлено как присущей им символикой, так и императивностью восприятия. Часто это происходит в форме, по выражению К.Маркса, «всемирно-исторических заклинаний мертвых», т. е. заимствования и взятия на вооружение норм и способов поведения из прошлых эпох.

Дискуссия о роли насилия имеет свою длительную историю – от «Государя» Н.Макиавелли до «Размышлений о насилии» Ж.Сореля – буржуазная политическая мысль проявляла особое внимание к этому феномену. К.Маркс, выступая от имени поднимающихся пролетарских слоев, уделял много места анализу соотношения экономических факторов и насилия в процессе становления классовых обществ и государств. В современной социологии предприняты попытки объединения социологических теорий К.Маркса и М.Вебера в рамках единой парадигмы «конфликта» (в противовес теориям, делающим упор на «согласии») на том основании, что они уделяют большое внимание проблеме «насилия».

В отличие от веберовской социологии, насилие не трактовалось Марксом как самостоятельный феномен со своей собственной динамикой. Напротив, ему отводилось подчиненное место среди факторов социально-политического развития. Анализируя происхождение капиталистического способа производства, К.Маркс отмечал использование государственной власти в качестве концентрированного и организованного общественного насилия для ускорения процесса превращения феодального способа производства в капиталистический: «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция»[1]. Маркс не только формулировал теоретические положения о сущности феномена «насилия», но и проводил социологический анализ причин и характера его применения в конкретных политических ситуациях, например, в период буржуазных революций в Германии и Франции XIX в.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 761.

И в плане методологическим, и в идеологическом аспекте социология К.Маркса представляет собой крайне противоречивую картину. Наряду с реалистическим анализом политических действий и институтов, она включает концепции утопического содержания. Радикальные социологические взгляды сочетаются у него с эсхатологическими идеями о построении идеального бесклассового общества.

Ряд проблем, которые Маркс анализировал и стремился решить в рамках своего социологического подхода, сохраняют свою актуальность и для современной социологической науки. Не случайно многие авторитеты современной науки пытались «инкорпорировать» марксизм в свои теории. Наряду с этим обозначилась тенденция относить К.Маркса к «отцам-основателям» современной социологической теории (М.Вебер, Э.Дюркгейм, Г.Зиммель) как искусства теоретического раскрытия законов социальной реальности, контрастирующего с поверхностным позитивистским подходом.

Социология политических организаций Роберта Михельса

Роберт Михельс (1876 – 1936) – один из признанных авторитетов современной западной политической социологии. Его политические убеждения и ориентации неоднократно и резко менялись, пройдя несколько стадий: от анархического социализма и социал-демократической идеологии к национализму и антидемократизму. Ранние работы Михельса, в которых нашло выражение его увлечение мелкобуржуазным анархическим социализмом, имеют в основном этико-социальное содержание и как таковые не относятся к его политической социологии.

В центре внимания политической теории Михельса находился кризис институтов и идеологии парламентарной демократии, вызванный переходом «классического» буржуазного общества к империализму. Главная цель этой теории – доказательство практической невозможности осуществления принципов демократии в силу имманентных характеристик политической организации буржуазного общества и «олигархических тенденций» в массовых политических организациях – партиях, профсоюзах, группах и т. д.

Понимание научности Михельсом вытекает из противопоставления «морального» (ценностного) и «объективного» (стоящего вне ценностей) типов мышления. Этот аспект его подхода сформировался под влиянием гносеологических принципов М.Вебера (неокантианство) и В.Парето (модифицированный позитивизм). Проблемы социальной обусловленности теорий и типов мышления, корреляции между социальной позицией исследователя и содержанием его концепций Михельс не анализировал.

Критика Михельсом парламентарной демократии выражала взгляды и настроения тех слоев мелкой буржуазии, которые составили первоначальную массовую базу фашизма.

Теоретические взгляды Михельса на парламентарную демократию сложились в рамках двух концепций, содержащих в зародыше важнейшие элементы эклектической идеологии раннего фашизма, а именно – французского теоретического синдикализма (Г.Лагардель, Ж.Сорель) и итальянского элитизма (Г.Моска, В.Парето). Из первой концепции Михельс заимствовал основные положения критики «парламентарной эволюции» социалистических партий Западной Европы, из второй – требование замены парламентаризма диктатурой «энергетического меньшинства» во главе с харизматическим лидером. Своеобразие политической теории Михельса состоит в том, что он обосновал и развил эти положения при помощи методологии немецкой теоретической социологии (М.Вебер).

Задачу социологии Михельс видел не в создании всеобъемлющих теоретических систем, но в «безупречном объяснении» причинных тенденций и контртенденций социальной жизни. При этом он полагал, что такая задача может быть поставлена и решена «чисто научно».

Михельс попытался установить причинные факторы стратификации структур власти в массовых демократических организациях буржуазного общества. Он писал: «Комплекс тенденций, препятствующий осуществлению демократии, с большим трудом поддается распутыванию и систематизации. Эти тенденции лежат 1. в сущности человеческой природы, 2. в сущности политической борьбы, и 3. в сущности организаций. Демократия ведет к олигархии, превращается в олигархию. Выдвигая этот тезис, мы далеки от того, чтобы выносить обвинительный приговор или моральное осуждение каким-либо политическим партиям или режимам. Подобно всем социологическим законам, закон, выра-

жающий стремление любого человеческого объединения к формированию иерархии, стоит по ту сторону добра и зла»[1].

Михельс утверждал, что его концепция призвана существенно «дополнить и уточнить марксизм» в ряде важнейших пунктов: «Не существует никакого противоречия между учением, согласно которому история – это процесс непрерывной классовой борьбы, и тем учением, по которому классовая борьба приводит к созданию новой олигархии. Учение о политических классах является неоспоримо марксистским».

Вопреки заявлениям Михельса, оба учения различаются по своей гносеологии, содержанию категориального аппарата и пониманию причинности в области политики. Согласно Михельсу, «феномен олигархии объясняется частично психологически (психология масс и психология организаций), частично органически (законы структур организаций), причем главная роль принадлежит первой группе факторов.

Михельс полагал, что поведение «господствующего класса» в условиях буржуазной демократии определяется воздействием фактора масс на политический процесс. Категория «массы» в его концепции имеет преимущественно психологическое содержание, поскольку она описывает не социально-политическую структуру буржуазного общества, а совокупность психических свойств, характеризующих тип «массового человека» эпохи империализма. К ним Михельс относит политическую индифферентность, некомпетентность, потребность в руководстве, чувство благодарности вождям, потребность в почитании лидеров, стадность (исчезновение личности) и т. д.

Среди групп, претендующих на власть в рамках буржуазной демократии, наиболее эффективными оказываются те группы, которые способны обеспечить поддержку своим целям со стороны организованных масс. При этом сам «принцип организации», являющийся необходимым условием руководства массами, неизбежно приводит к властной иерархии. Михельс настаивал: «Кто говорит об организации, говорит о тенденции к олигархии... По мере развития организации, демократия приходит в упадок»[2].

---

[1] *Michels R.* Zur Soziologie des Parteiwesens in der Modernen Demokratie. Leipzig, 1925. S. IX.

[2] Op. cit. S. VII.

Согласно концепции Михельса, олигархическая структура власти возникает в процессе взаимодействия трех групп факторов: 1) технических свойств политической организации, 2) психических свойств организованных масс и 3) психических характеристик политических лидеров. Главное значение отводилось мотивации выдвижения политических вождей со стороны группы и со стороны индивидов, занимающих позиции власти. Сложившаяся иерархическая структура власти, до мнению Михельса, развивается далее по своим внутренним законам, воспроизводящим олигархические тенденции в расширяющихся масштабах. Постепенный переход от «спонтанного лидерства» к «олигархии» проходит две стадии: «профессионализированного» и «стабилизированного» лидерства.

Михельсовская схема в определенной мере совпадает с концепцией «рутинизации харизмы» его старшего друга М.Вебера, поскольку в обоих случаях имели место попытки определить содержание политической власти с помощью психологизированных поведенческих конструкций.

Весь кодекс тенденций, ведущих к возникновению олигархической структуры власти, Михельс в своей наиболее известной социологической работе «Социология политических партий» (1911 г.) назвал «железным законом олигархии». Непосредственным объектом данного исследования Михельса был реальный процесс бюрократизации западноевропейских социал-демократических партий, входивших во II Интернационал. Михельс был хорошо знаком с их организационной структурой, поскольку состоял членом Социалистической партии Италии (в 1907 г. он даже был ее делегатом на социалистическом конгрессе в Штутгарте), а в 1907 – 1908 гг. принимал деятельное участие в работе Марбургской секции НСДП.

Психологизм – основной метод политической социологии Михельса, которая представляет собой один из вариантов социологической теории элит. Хотя Михельс анализировал взаимосвязь между социальной и политической структурами буржуазного общества начала XX в., в основе его подхода лежит тезис, что «элитарный характер нации» стремится к воплощению в господствующих группах, иначе говоря, политическая элита есть продукт национальной психики.

В структуре «господствующего класса» он выделял три самостоятельных элемента – политический, экономический и интел-

лектуальный, взаимодействие которых обусловлено потребностями осуществления господства. В зависимости от конкретной исторической ситуации реальную власть может осуществлять «политико-экономический» (плутократический), «политико-интеллектуальный» либо «волевой политический» класс.

Важную роль при описании Михельсом политического процесса играет несколько модифицированная им теория «циркуляции элит» В.Парето. Крушение основных институтов демократии в Италии и Германии Михельс объяснял действием закона «циркуляции элит». Новый «волевой политический» класс, по его представлениям, должен был решить две исторические задачи: сменить клонящуюся к упадку и неэффективную с точки зрения лидерства «плутократию» и обеспечить защиту нации от «большевистской опасности».

Воплощение своего идеала «энергетического волевого класса» во главе с харизматическим лидером Михельс увидел в итальянском варианте фашизма. Назначенный по личному указанию Б.Муссолини на должность профессора университета в Перудже, Михельс принял деятельное участие в создании специальных «факультетов политической науки», цели которых он видел в создании нового политического мышления, подготовке государственных кадров и развитии политической теории фашизма. В своих поздних работах Михельс перешел к прямой апологии тоталитарных структур власти.

Несмотря на подобный финал теоретической эволюции Р.Михельса, различные школы современной западной социологии и политологии признают его авторитет в области социологии политической власти и политических партий, что объясняется следующими факторами:

– основные проблемы политики, которым Михельс стремился дать объяснение, сохраняют свою актуальность для современной политической социологии (политические элиты, лидерство, партии, бюрократия и т. д.);

– методология политических исследования Михельса – так называемый психологический детерминизм – получила широкое применение в современной западной социологии и политологии;

– категориальный аппарат теории политических организаций Михельса допускает прагматическое использование его различных элементов в зависимости от целей, преследуемых тем или иным исследователем.